

релии во второй половине XIX в. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994; *Он же*. Крестьянское рыболовство на внутренних водоемах Карелии: (Вторая половина XIX в.) // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1995; *Матти Полла* К характеристике карельской крестьянской семьи XIX в. // Историография и источниковедение отечественной истории. СПб., 2003; *Мокина Г. Г.* Неземледельческие занятия крестьян Вытегорского уезда в конце XIX – начале XX века // Вытегра. Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 1.

В. В. Небрат
Киев

Теоретические основы и практические результаты денежной реформы 1922–1924 гг.

В современных условиях системной трансформации общества анализ рыночных и антирыночных преобразований отечественной экономики актуален как никогда раньше. Поэтому особый интерес представляет исследование истории хозяйства в единстве с теоретическим анализом научного наследия отечественных экономистов. Следует отметить, что изучение ретроспективы отечественной экономической науки, хотя и значительно активизировалось в последнее десятилетие, тем не менее, не дает целостной картины эволюции теории денежного обращения и финансовых отношений. Вопросы денежного обращения и теоретического обоснования денежной политики в годы антирыночных преобразований отечественной экономики освещались в публикациях украинских историков-экономистов В. Е. Власенко, Т. И. Дервянкина, Э. Л. Лортикияна, Р. Д. Толстова, Н. И. Савлука и др. Целью данной публикации является анализ теоретической дискуссии, предшествовавший проведению денежной реформы 1922–1924 гг., в контексте эволюции теории денег и трансформации институтов рыночного хозяйства в период осуществления новой экономической политики.

Расстройство денежной системы, вызванное мировой войной и революцией, еще более усугубилось в годы «военного коммунизма». Советское правительство не имело четкой концепции развития финансово-денежных институтов и их места в будущей системе хозяйства. Политический лозунг «вытеснения» товарных отношений непосредственным централизованным распределением и «отмирания» денег, провозглашение их пережитком, который не имеет никакой реальной ценности, на практике привело к искажению обмена и полного хаоса в расчетно-учетном деле.

Перелом в экономической политике советской власти выразительно проявился в середине 1921 г., когда был провозглашен новый курс экономической политики. Это означало, во-первых, признание за частной промышленностью и торговлей права на существование и, во-вторых, выделение значительной доли государственных предприятий в самостоятельные хозяйственные единицы, которые работают на началах коммерческого расчета. Тем самым на первое место выдвигалась задача воссоздания нормальных денежных отношений, поскольку отсутствие единой и прочной денежной системы оказалось важнейшим препятствием на пути экономического восстановления¹.

Первоначальный план нэпа предусматривал создание системы товарообмена без торговли, однако, он потерпел неудачу. Это вынужден был признать даже основатель этой политики — В. Ленин, который в октябре 1921 г. заявил, что «...с товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обычная купля-продажа». И далее он подчеркнул, что «теперь мы оказались в условиях, когда должны отойти еще немного назад, не только к государственному капитализму, а и к государственному регулированию торговли и денежного обращения»².

Денежная эмиссия продолжала расти ускоряющимися темпами. Месячный прирост денежной массы постоянно увеличивался: с 20 % в июле 1921 г. почти до 30 % в сентябре, до 52 % в ноябре и 78,8 % в декабре 1921 г. После этой высшей точки подъема началось определенное снижение: январь 1922 г. дал 72 %, февраль — 57–68 %, а в июне — августе 1922 г. прирост составлял 40,6–49,8 %³. Огромный годичный скачек вверх кривой темпа эмиссий был вызван двумя обстоятельствами: во-первых, условиями неурожая и последовавшего за ним голода 1922 г., сделавшего финансовые нужды государства особенно настоятельными и неотложными, и, во-вторых, получившим в это время преобладание основным направлением советской финансовой и эмиссионной политики, которое явно переоценивало позитивные возможности использования эмиссионного аппарата и недооценивало его разрушительное и дезорганизующее влияние на народнохозяйственный организм. Анализируя абсолютную и относительную эффективность эмиссий, С. Фалькнер установил, что, начиная с 1917 г. вплоть до середины 1921 г. происходило неуклонное падение реального значения эмитируемой каждый следующий месяц денежной массы, сводящее, в конце концов, реальную стоимость денежной массы почти на нет⁴.

Для решения задачи создания устойчивой денежной системы в первую очередь необходимо было сократить и впоследствии прекратить эмиссию с тем, чтобы в дальнейшем восстановить нормальное денежное обращение на основе золотой валюты. Таким образом, после кратковременного опыта натурального товарообмена был взят курс на развитие торговли и восстановление денежного обращения. Практическая реализация этого курса становилась возможной по мере улучшения общего хозяйственного положения страны, восстановления экономических связей между районами, оздоровления финансовой (в особенности налоговой) системы, повышения производительности труда на предприятиях. С другой стороны, именно этот общий хозяйственный восстановительный процесс все более требовал ведения устойчивой валюты. В условиях жесточайшего финансового кризиса, вызванного войной, неурожаем, и усугубленного социалистическими экспериментами по внедрению безденежных расчетов и практикой эмиссионного хозяйства, единственно верным было решение о поэтапной денежной реформе, дающей хозяйственному обороту твердое мерило стоимости и надежное средство накопления.

Вопрос заключался прежде всего в том, можно ли, и нужно ли, создавать какие либо новые, по крайней мере, относительно устойчивые деньги при наличии обесценивающегося советского денежного знака и при общепризнанной необходимости дальнейшего его обесценивания в течение более или менее продолжительного срока. Во-вторых, необходимо было определиться, какие это будут деньги — бумажные или металлические. В этом отношении господствовало

полное единодушие: для всех было очевидно, что нельзя выпускать в обращение золото при совершенно ненормальном состоянии государственного бюджета, при зачаточном состоянии внешней торговли, при резко пассивном внешнем торговом балансе, при сильно ограниченных металлических запасах. Но многие авторитетные экономисты и финансисты полагали, что несвоевременно так же приступать к выпуску каких либо новых, относительно устойчивых бумажных денег. Так, профессор П. Гензель, подчеркивая необходимость восстановления всего финансового хозяйства и отвергая идею выпуска металлических денег, вместе с тем настаивал на сохранении в обращении советских знаков. Он считал, что создание параллельно с неизменной чисто бумажной валютой еще другой, разменной и основанной на строго банковских началах, является нерациональным шагом, речь может идти только о регулировании существующего бумажного руля. Профессор Н. Шапошников также говорил о нежелательности выпуска наряду с советскими денежными знаками каких-либо других денег.

Теоретическая дискуссия, которая предшествовала подготовке денежной реформы 1922–1924 гг., удостоверяла идеологическую предубежденность и отсутствие четкого видения перспектив денежного обращения в среде экономистов новой, советской генерации. Вместе с тем, ученые дореволюционной школы, опиравшиеся в трактовке всех без исключения практических вопросов хозяйственного строительства на крепкий фундамент экономической науки, твердили о необходимости восстановления нормального товарно-денежного обращения с использованием денежных средств, которые эффективно выполняют все функции денег. Опыт политики военного коммунизма убедительно свидетельствовал в пользу возвращения к полноценному денежному обращению, восстановлению кредита, системы учета и т. п. Таким образом, политическое решение о проведении денежной реформы с целью укрепления денежной единицы требовало теоретической разработки и практического обоснования.

В подготовке денежной реформы принимало участие большое количество экономистов, которые представляли различные научные школы в теории денег. Значительное влияние на формирование идеологии денежной реформы и конкретного плана ее проведения имели ученые старой «буржуазной» школы (как со временем их стали называть), признававшие правильность и эффективность лишь тех денежных систем, которые базируются на полноценном обеспечении денежной единицы золотом. Среди таковых можно отметить ученых-экономистов В. Железнова, Н. Кутлера, М. Деревенко, А. Мануйлова, С. Киселева и др. Марксистская школа также выдвинула немало сторонников идеи восстановления в советской России денежной системы, которая базируется на золотой основе. Здесь можно назвать Д. Боголепова, И. Трахтенберга, Г. Крумина, А. Лежаву, С. Губермана, Б. Лившица и др. В частности, И. Трахтенберг, выступая с критикой теории бумажных денег М. Туган-Барановского, подчеркивал: «И при господстве бумажно-денежного обращения остается надобность в полноценных металлических денежных знаках»⁵. Приверженцы разных научных направлений, которые расходились в вопросах идеологического характера, пришли к согласию относительно принципов проведения денежной реформы, а именно: они считали, что необходимо восстановить в России золотомонетный стандарт и таким образом обеспечить полноценное и эффективное с точки зрения нужд народного хозяйства денежное обращение.

Значительная заслуга в решении задач оздоровления бюджета и стабилизации денежного обращения принадлежит Г. Сокольникову. В ноябре 1921 г. он стал членом коллегии Наркомфина и практически сразу же — заместителем главы этого комитета, а осенью 1922 г. был назначен наркомом финансов. Для успеха дела Г. Сокольников считал важным увеличить товароборот (путем развития внутренней, внешней, кооперативной и частной торговли), уменьшить бюджетный дефицит (а в перспективе полностью его ликвидировать за счет резкого сокращения расходов), всемерно увеличить доходы, развить налоговую систему, остановить безудержную денежную эмиссию. Он был убежден, что для решения задачи финансового обеспечения новой экономической политики необходимо стать «Плюшкиным в кубе» и безотлагательно провести денежную реформу. Ее основу Г. Сокольников видел в создании твердой валюты и в организации новой банковской системы, а также во всемерном развитии сельского хозяйства, промышленности, торговли и внешнеэкономической деятельности. Нарком финансов сумел привлечь к разработке проекта реформы талантливых ученых-финансистов старой России и опытных чиновников. Например, для подготовки денежной реформы был приглашен опытный финансист Н. Кутлер, который участвовал в проведении знаменитой реформы С. Витте в 1895–1897 гг. По мнению Н. Кутлера, в условиях крайнего расстройств государственных финансов денежная реформа сама по себе не может упорядочить денежное обращение. Для его стабилизации необходимо бюджетное равновесие, т. е. следует сократить расходы государства и увеличить его доходы. Таким образом, параллельно с подготовкой денежной реформы закладывались основы реформирования налоговой системы.

За основу проведения денежной реформы была взята идея о параллельном существовании двух валют — банковских билетов и совзнаков. При этом предусматривалось, что банковские билеты Госбанка будут беспрепятственно обмениваться в государственных кассах на совзнаки по последнему курсу, установленному Наркомфином. Эта точка зрения становилась все более распространенной. В записке Г. Сокольникова в комиссию ЦК РКП(б) об основах денежной реформы указывалось на необходимость поддержания Госбанком паритета золотых и бумажных денег, был предусмотрен механизм обмена червонцев в банках на казначейские билеты, порядок свертывания эмиссии совзнаков и их выкупа у населения, упразднение товарного рубля как платежной единицы⁶.

Одним из авторов и организаторов выпуска «золотого червонца», соратником Г. Сокольникова был Л. Юровский. В работах «На путях к денежной реформе», «Денежная политика советской власти (1917–1927)» он обосновал необходимость и основные этапы денежной реформы. Проблему стабилизации валюты Л. Юровский не сводил к задачам только финансовой политики; категорически выступал против эмиссии как источника средств финансирования; подчеркивал важность преодоления образовавшихся диспропорций, создания благоприятных условий для общего подъема экономики — промышленности и сельского хозяйства⁷. Рассматривая природу товарно-социалистической системы, Л. Юровский полемизировал с экономистами, игнорировавшими законы товарного хозяйства. В частности, наминал о необходимости учитывать действие «закона стоимости», подчеркивал, что, разрабатывая экономическую политику, важно научиться согласовывать противоречивое действие плановых и рыночных начал⁸.

В течение некоторого времени среди экономистов дебатировался вопрос о том, какому учреждению поручить новую эмиссию. В частности, вносились предложения об использовании иностранных банков, которые могли бы привлечь иностранный капитал, а также разрабатывалась идея об организации смешанного банка. Однако тот факт, что страна уже имела собственный крупный кредитный институт — Госбанк — наряду с соображениями политического характера, вскоре заставил решить вопрос в пользу предоставления Государственному Банку Союза права выпуска банковских билетов.

Базовым законодательным документом, который знаменовал начало проведения денежной реформы 1922–1924 гг. стал Декрет Совета Народных Комиссаров от 25 июля 1922 г. «О предоставлении Государственному банку права выпуска в обращение банковских билетов». Им предполагались такие меры:

- фиксация официального золотого содержания новой денежной единицы — червонца;
- обеспечение выпуска червонцев драгоценными металлами не меньше, чем на четверть их номинальной суммы;
- провозглашение о размене червонцев на золото, с оговоркой о том, что срок начала размена должен устанавливаться особым правительственным актом;
- червонцы подлежали приему в погашение всех государственных сборов и платежей, если они по закону установлены в золоте;
- банковские билеты допускались к котировке на всех биржах России.

Решение о необходимости обеспечения банковских билетов полноценной монетой было закреплено декретом СНК от 26 октября 1922 г. «О чеканке золотых червонцев». Согласно этому документу, Народному комиссариату финансов было поручено начать чеканку золотой монеты (червонцев). Однако срок выпуска не был назначен. Затем размен банковских билетов на золотую монету был отложен. Незначительное количество золотых червонцев все же было вычеканено, и этот факт свидетельствовал о серьезности намерений правительства, сыграв положительную роль во внедрении в обращение новых денег и формировании у граждан доверия к ним.

Во время подготовки и проведения реформы еще одна группа экономистов отстаивала возможность и целесообразность создания системы бумажно-денежного обращения, которая бы целиком базировалась на регуляторной деятельности государства и не нуждалась в золотом обеспечении. К этой группе принадлежали ведущие государственные деятели, экономисты-практики, которые старались быть последовательными в строительстве принципиально нового экономического порядка и организовывали плановую систему управления народным хозяйством — С. Струмилин, А. Дембо, Е. Преображенский, а также известные ученые — М. Боголепов, А. Соколов, З. Каценеленбаум, Д. Ловецкий, Д. Кузовков и др.

В частности, С. Струмилин считал советскую экономику настолько организованной, а рыночные институты ослабленными и лишенными своей объективной основы — частной собственности, — что товары, по его мнению, могли обмениваться по сознательно установленным оценкам. В таких условиях золото больше не служит мерилем стоимости, эту функцию берут на себя плановые органы, которые используют условную индексную единицу. Идея создания особой товарной валюты, которая базировалась бы исключительно на товарном обращении и не имела связи с золотом, заключалась в устранении возможности

использовать деньги как средство накопления и капитализации. Они должны были служить исключительно как учетная единица и средство распределения общественных продуктов между отдельными работниками⁹. Решающее значение в обеспечении стабильности таких денег предоставлялось государственному регулированию товарного и денежного обращения.

Подобных взглядов относительно создания товарной валюты придерживался к тому времени глава Финансовой комиссии ЦК РКП(б) и Совнаркома, заместитель Наркома финансов Е. Преображенский. Особенность его трактовки товарной валюты заключалась в том, что бумажные деньги выступают якобы носителями «воспоминания» о ценах периода золотомонетного стандарта, и обозначение номинала по отношению к золоту на товарных деньгах будет лишь способствовать укреплению доверия к ним¹⁰. Г. Боголепов считал, что действительными деньгами могут быть только такие, которые получают статус платежного средства в силу закона, а стабильность их ценности обеспечивается активной валютной политикой государства. При таких условиях не имеет значения, писал экономист, из какого материала изготовлены деньги — из бумаги или из золота¹¹, вместе с тем, бумажные деньги имеют преимущество, так как они более дешевые в изготовлении и удобнее в пользовании, поэтому им принадлежит будущее.

П. Фомин, М. Соболев, Л. Яснопольский, В. Железнов выступили против пропагандируемой экономистами-марксистами учетно-распределительной концепции денег. В частности, В. Железнов подчеркивал, что поскольку при социализме сохраняется форма общественно-хозяйственных отношений, предусматривающая доходы, то «рациональное выражение доходов требует не только денежной формы, но и рационального устройства самого денежного обращения, т. е., прежде всего, денег с устойчивой покупательной силой»¹². Поскольку рациональная постановка общественного хозяйства требует учета, то лучшим средством являются деньги с устойчивой покупательной силой.

Еще одна концепция, близкая к идее «товарных денег» С. Струмилина, была выдвинута Д. Кузовковым. Этот экономист доказывал, что новые советские деньги — червонец — не связаны с золотом, поскольку они выпущены в обращение не как заменители золота, а в обмен на «совзнаки». Оценивая в целом положительно результаты денежной реформы в советской России, Д. Кузовков отмечал: «Сейчас денежная реформа как таковая закончена, и мы имеем, хотя и обычную неразменную на золото бумажную валюту, но, тем не менее, валюту относительно стабильную, которой в ближайшее время ничто не угрожает»¹³. В чеканке золотых червонцев, по его мнению, вообще не было потребности. Это лишь вылилось в дополнительные затраты при переходе на твердую валюту.

По мере того, как постепенно восстанавливалось и оздоравливалось денежное обращение в стране, позиции приверженцев бумажных денег крепили, их влияние на ход реформы усиливалось. Затем произошла определенная переориентация от идеи разменных к неразменным деньгам, стабильность которых обеспечивается государством. Практически это проявилось в следующих моментах:

— провозглашенный декретом 1922 г. обмен червонцев на золото так и не был реализован;

— главными инструментами обеспечения стабильности новых денежных знаков были признаны регулирование их количества в обращении и активная валютная политика, направленная на стабилизацию обменного курса рубля;

— официально установленное золотое содержание червонца сохранялось и после завершения реформы, и определенное время активно использовалось в практике регулирования обменного курса червонца как база для определения его отклонения от паритета.

Проведенный анализ теоретических установок основных идеологов денежной реформы наглядно подтверждает их внутреннее сходство с концепцией регулируемой бумажной валюты. Она была разработана М. Туган-Барановским в условиях инфляции и финансовой дестабилизации, вызванных Первой мировой войной, и изложена в работах «Бумажные деньги и война» (1915), «Бумажные деньги и металл» (1916), «Откуда берутся деньги для войны» (1917).

Исследование новых форм денежного обращения и выяснение присущих ему функциональных зависимостей оказывалось невозможным без рассмотрения общей теории денег, поскольку реалии хозяйственной жизни не соответствовали классическим представлениям о деньгах и товарно-денежном обмене. Анализируя происхождение и сущность денег, М. Туган-Барановский декларировал свою приверженность концепции эволюционного происхождения денег, критически выступая против так называемой хартальной теории Г. Кнаппа, согласно которой деньги появляются не сами по себе, а создаются государством. Тем не менее, при рассмотрении функций денег, ученый указывал на необходимость государственной санкции относительно признания законного платежного средства. Развитие денежного обращения привело к такой метаморфозе, когда деньги стали, прежде всего, платежным средством и лишь вследствие того — всеобщей мерой ценности и универсальным средством обмена. М. Туган-Барановский подчеркивал невозможность юридического «назначения» на роль денег средств, которые экономически не способны служить в качестве реальных денег. Новаторским является определение сущности денег, предложенное экономистом: «Деньги — это предмет, исполняющий функции денег, и таким предметом может быть или товар, наиболее для этого пригодный (как драгоценные металлы), или условный знак, созданный специально для этой цели обществом»¹⁴.

Ученый-экономист решительно отверг требования по отношению к денежным средствам, которые диктовались традиционной денежной теорией: наличие внутренней ценности, металлическое обеспечение и т. п. Вытеснение металла из обращения бумажными деньгами М. Туган-Барановский считал закономерным следствием развития обмена и средством экономии затрат общественного труда. Более того, только неразменные бумажные денежные знаки являются, по мнению ученого, бумажными деньгами в собственном понимании слова.

Центральным вопросом в теории денежного обращения и, вместе с тем, отправным пунктом для всех дальнейших исследований М. Туган-Барановский считал определение факторов и механизма формирования ценности денег. Решение этой проблемы имело не только сугубо теоретическое, но непосредственное практическое значение для построения эффективной денежной системы. Последовательно придерживаясь научного анализа денежных отношений, М. Туган-Барановский подчеркивал: «Проблема стоимости денег является самостоятельной научной проблемой, которая не сводится к общей теории товарной цены»¹⁵. Тем не менее, решить эту проблему было невозможно в пределах существующих альтернативных концепций трудовой стоимости и предельной полезности. Предшественники М. Туган-Барановского, занимавшиеся разработкой

общей теории денег в условиях становления и развития бумажно-кредитного обращения, признали невозможность объяснения феномена ценности денег на основании трудовой теории, а также указывали на значение фактора редкости для анализа ценности. Но они упрощенно трактовали влияние ограниченности предложения денег на их ценность, опираясь на тезис об ограниченности запасов благородных металлов, сложность их поиска и разработки, а также апеллируя к монополии государственной власти, которая осуществляет выпуск дензнаков.

Предложив синтетическую концепцию ценности, М. Туган-Барановский указал путь выхода из глухого угла, в котором оказалась денежная теория в условиях демонетизации обращения. Важно подчеркнуть, что ученый использовал категории «ценность» и «стоимость» для обозначения разных экономических явлений. Стоимость, как воплощение затрат труда, является атрибутом товарных денег, но бумажные деньги имеют настолько малую трудовую стоимость, что она едва ли является фактором, а тем более основой их ценности. Вместе с тем, ценность имеют не только металлические, но и неразменные бумажные деньги, а их полезность реализуется в способности выполнять функции денег. Такой подход к решению проблемы ценности денег, во-первых, указывал на полнейшее расхождение с традиционной концепцией внутренней стоимости, которая опиралась на трудовую теорию; во-вторых, означал появление оригинальной теории, которая отвечала новому этапу в развитии денежных отношений и выстраивалась на других методологических основаниях.

Ценность денег, утверждал М. Туган-Барановский, воспринимается каждым участником менового оборота абсолютно пассивно, как нечто объективно заданное, она является полностью социальным явлением, продуктом стихийных, неосознанных хозяйственных процессов¹⁶. Свою собственную теорию ценности денег ученый выстроил на основе исследования конъюнктуры рынка. Итак, М. Туган-Барановский обнаружил зависимость между изменением рыночной конъюнктуры и колебаниями товарных цен, а затем — ценностью денег. Изменения общего уровня денежных цен не просто сопровождают, они отображают общее состояние промышленной конъюнктуры. «Ценность денег, — подытоживал ученый, — непосредственно определяется конъюнктурой товарного рынка»¹⁷. Особенно М. Туган-Барановский делал ударение на двух моментах, которые, по его мнению, мешали правильному пониманию процесса формирования ценности денег его предшественниками: во-первых, речь идет об общем уровне товарных цен, а не о динамике цен на отдельные товары; во-вторых, объяснение ценности денег находится в сфере товарного, а не денежного рынка.

Таким образом, теория М. Туган-Барановского, синтезируя рациональные идеи предыдущих концепций, выяснила действительные факторы, управляющие ценностью денег, и открыла путь к выработке основ рациональной денежной политики. Ее автор отмечал: «До сих пор государственная власть почти не ставила перед собой задачу планомерно влиять на ценность денег. То же самое, правда, можно сказать и о ценности товаров: и в этой сфере общественная власть, по общему правилу, вела себя целиком пассивно, отдавая формирование товарных цен стихийной игре экономических сил. Тем не менее, между этими двумя областями хозяйственной жизни — ценностью товаров и ценностью денег — существует глубокое принципиальное отличие: ценность товаров строится на основе сознательных расценок отдельных индивидов, чем государство руководить не может; наобо-

рот, ценность денег является неосознанным стихийным продуктом социального взаимодействия, которое не исключает государственного регулирования»¹⁸.

В итоге, в своем исследовании М. Туган-Барановский пришел к признанию не только возможности, но и необходимости государственного регулирования денежного обращения. Он подчеркивал важность роли центрального банка государства, т. е. такого учреждения, которое имеет в распоряжении огромные средства и руководствуется в своих действиях не получением выгоды, а общегосударственными интересами. В условиях расстроеного войной денежного обращения, когда чрезмерная эмиссия для покрытия непроизводительных затрат окончательно подорвала покупательную способность денежной единицы, задача разработки основ рациональной денежной политики стала первоочередной.

Хотя большинство экономистов того времени отрицательно относились к бумажным деньгам, М. Туган-Барановский гениально предвидел, что после войны явится новая система бумажных денег, не связанных с металлом. Задача же правительства заключается не в покрытии своих затрат за счет эмиссии, а в регулировании денежного обращения, его стабилизации с целью содействия развитию народного хозяйства. Выдающийся экономист настаивал на том, что активная политика государства и государственных органов должны стимулировать эффективный платежеспособный спрос и инвестиционный процесс.

Особое внимание М. Туган-Барановский уделял вопросам внешнеэкономической политики и, в частности, регулированию вексельного курса. По его мнению, задача государства состоит в достижении стойкости денежной единицы через осуществление активной вексельной политики. Международные соглашения, считал ученый-экономист, должны урегулировать вексельные курсы таким образом, чтобы сделать невозможным, или хотя бы смягчить мировые финансовые кризисы.

Конечно, М. Туган-Барановский не мог предусмотреть катастрофических последствий для хозяйства и финансовой системы, наступивших вследствие Гражданской войны и распада Российской империи. Тем не менее, он осознавал тенденции развития денежного обращения, которые обозначились в ходе Первой мировой войны. Денежная реформа 1922–1924 гг. в своих отдельных деталях и механизме осуществления оказалась намного сложнее и тяжелее, чем это представлялось М. Туган-Барановскому, но, тем не менее, большинство прогнозов и предвидений ученого сбылось.

Отличия проекта послевоенной денежной системы, разработанного М. Туган-Барановским, и денежной реформы, проведенной в 1922–1924 гг., обусловлены не только разрушительным влиянием на денежное обращение Гражданской войны и окончательным расстройством производства и торговли. Не следует забывать, что главным приоритетом денежной политики советской власти было установление и укрепление централизованных, плановых начал организации народного хозяйства, вытеснение пережитков рынка и утверждение социалистических принципов распределения. Таким образом, нормализация хозяйственных отношений подчинялась другим, политическим целям.

Учитывая следствия мировой войны и чрезвычайный рост количества денег в обращении, М. Туган-Барановский предполагал, что обесценивание бумажных денег будет незначительным, по крайней мере, значительно меньшим, чем этого можно было ожидать, учитывая соотношение товарной и денежной массы. Обо-

снованием этого тезиса служило положение об активной регулирующей политике государства. Полное обесценивание денег, подобное обесцениванию французских ассигнаций в годы Великой революции, России не угрожает потому, указывал экономист, что «...раньше лаж формировался на свободном денежном рынке, теперь же лаж регулируется специально для этого созданным государственным органом»¹⁹. И действительно, хотя денежная масса за годы войны возросла примерно в 8–9 раз, тем не менее, обесценивание денег составило 2–3 раза, а их курс снизился еще меньше. Даже в годы Гражданской войны, когда эмиссия «совзнаков» достигла значительно больших размеров, они тоже не обесценились полностью, что обеспечило экономическую основу для выпуска в обращение стабильных денег — червонцев. Итак, идея возможности управления стоимостью бумажных денег получила практическое подтверждение и послужила советским органам, как в деле финансирования Гражданской войны, так и на стадии подготовки денежной реформы 1922–1924 гг.

В ходе проведения реформы выявилось много общих черт с австрийской денежной реформой 1892 г. Разрабатывая свой проект бумажно-денежной системы, М. Туган-Барановский анализировал опыт Австро-Венгрии. Из-за невозможности накопления достаточного золотого запаса обеспечение стабильности денег требует иного механизма. Возможность стабильной валюты без свободного размена продемонстрировала австрийская денежная реформа, поэтому М. Туган-Барановский настаивал: «Единственное, что нам остается, это попробовать ввести у себя денежную систему, которая с таким успехом была испытана Австро-Венгрией... Вся сущность этой новой системы состоит в <...> активной валютной политике государства или его органов»²⁰. Для решения этой задачи М. Туган-Барановский предлагал, во-первых, возложить соответствующую функцию на Государственный банк, который должен будет полностью отвечать за стабильность бумажных денег и иметь в своем распоряжении всю совокупность необходимых для этого инструментов; во-вторых, заключить международные соглашения с ведущими странами мира относительно регулирования вексельных курсов. Подобные принципы развития механизма регулирования денег были реализованы в ходе денежной реформы 1922–1924 гг.:

— уже в период подготовки к проведению реформы был восстановлен Государственный банк с широкими полномочиями единого эмиссионного центра и органа регулирования валютного рынка и денежного обращения страны;

— Россия принимала участие в работе Генуэзской конференции (1922 г.), на которой было подписано Международное соглашение о создании мировой валютной системы на основе золотодевизного стандарта. Согласно этому соглашению только Великобритания, Франция и США могли обменивать свои валюты на золото, а остальные страны могли обменивать свои валюты на фунты стерлингов, франки и доллары.

Международное соглашение открывало путь к внедрению механизма поддержания стабильности валют без прямого обмена на золото. Финансовое руководство советской России возлагало большие надежды на механизм активной валютной политики в обеспечении стабильности новых денег. Позицию тогдашнего наркома финансов Г. Сокольников подвлекли критике в Социалистической академии за то, что он придерживался «долларовой теории», согласно которой русский червонец имеет ценность благодаря возможности обмена на иностран-

ную валюту²¹. Тем не менее, на практике концепция регулирования валютных курсов и денежная политика, основанная на ней, оправдали себя.

Вопрос роли и перспектив использования золота также решались в русле прогнозов М. И. Туган-Барановского. Новые советские деньги были обозначены на золото, тем не менее, это обозначение имело формальный характер, ведь их размен на металл так и не был учрежден. М. Туган-Барановский считал, что обозначение на золото играет положительную роль и является необходимым, учитывая народную психологию, в течение определенного переходного периода. «В будущем, — указывал экономист, — металлические запасы будут ликвидированы с выгодой для развития производительных сил общества, так как эти запасы металла, которые находятся в покое, превратившись в полезные товары, увеличат хозяйственную мощь общества»²². Накопление и экономное использование золотого запаса, по мнению М. Туган-Барановского, необходимо для проведения активной валютной политики. В ходе денежной реформы и в первые годы после реформы Госбанк использовал золото именно для покупки иностранной валюты и поддержания курса червонца, т. е. соответственно тугановским рекомендациям. Позже, с переходом к политике индустриализации страны, золото стали использовать преимущественно для прямых государственных закупок импортных машин, оборудования, оплаты труда иностранных специалистов и т. п.

Еще одним свидетельством продуктивности идей М. Туган-Барановского и их совпадения с практикой реформирования монетарного механизма на протяжении двадцатых годов прошлого столетия является его трактовка проблемы стабильности денежной единицы и приоритетов денежной политики. Главной задачей ученый считал поддержание стабильного уровня внутренних цен через стабилизацию ценности денежной единицы. Достижению этой цели, утверждал М. И. Туган-Барановский, следует подчинить прочие монетарные факторы, в том числе и динамику валютного курса. Данный тезис позднее использовал Ленин, определив стратегическую цель денежной политики советской власти²³. Советский стабилизационный опыт валютной политики, по мнению исследователей, мог служить основой теоретических взглядов Дж. М. Кейнса, который также отдавал предпочтение обеспечению внутренней ценности денег перед внешней²⁴. Известный исследователь истории монетарной теории в России В. Власенко выдвинул гипотезу относительно влияния на Дж. Кейнса идей М. Туган-Барановского в трактовке таких авторитетных руководителей финансовой системы страны, как С. Струмилин, Г. Сокольников, Е. Преображенский, и через изучение практики советского финансового строительства²⁵.

Широко проведенная товарная и валютная интервенция, т. е. вмешательство государственных органов в товарный и валютный оборот в целях регулирования спроса и предложения товаров и золота, обеспечили устойчивость покупательной силы казначейских билетов и червонцев. Таким образом, важнейшую задачу закрепления за казбилетами той представительной стоимости, которой к тому времени обладали червонцы, удалось осуществить благодаря активной регулирующей политике государственных органов. Успех реформы состоял не только в стабилизации денежного обращения и создании твердой валюты. Важным было и то, что реформу удалось провести без использования иностранной поддержки, при ограниченном золотом запасе и даже при наличии бюджетного дефицита.

Проведенное исследование дает основания сделать следующие выводы:

Если в первые годы советской власти обосновывалась идея безденежного хозяйства, то с переходом к «новой экономической политике» была признана необходимость оздоровления денежного обращения и целесообразность восстановления стабильной денежной единицы.

В разработке и практическом осуществлении реформы 1922–1924 гг. был использован исторический опыт успешного проведения австрийской денежной реформы 1892 г., когда задекларированный свободный размен бумажных денег на металл не был осуществлен, зато государство создало прецедент регулируемого денежного обращения с удержанием курса за счет вексельной политики.

Проведенный анализ дает достаточные основания утверждать, что и теория денег в России после перехода к НЭПу, и политика проведения денежной реформы находились под ощутимым влиянием монетарных идей М. И. Туган-Барановского. В концепциях товарной валюты С. Струмилина, «позолоченных» товарных денег Е. Преображенского, «валютных денег» М. Боголепова, «индексной валюты» Д. Кузовкова и др. легко угадываются контуры проекта регулируемой бумажно-денежной системы, предложенного выдающимся экономистом и изложенного в работе «Бумажные деньги и металл» еще в 1916 г.

Основной идеей теории бумажных денег, разработанной М. Туган-Барановским и реализованной в ходе проведения денежной реформы, является признание возможности выполнения бумажными деньгами всех функций денег и необходимости проведения государственного регулирования денежного обращения, активной валютной политики с целью укрепления и удержания курса денежной единицы.

Опыт проведения денежной реформы 1922–1924 гг. свидетельствует о возможностях эффективной монетарной политики в трансформационной экономике, указывает пути стабилизации денежного обращения в условиях спада производства.

Примечания

- 1 *Атлас* З. В. Деньги и кредит (при капитализме и в СССР). М., 1930. С. 180.
- 2 *Ленин В. И.* Доклад о новой экономической политике 29 окт. на VII Московской губпартконференции 29–31 окт. 1921 г. // ПСС. Т. 44. С. 189–191.
- 3 *Фалькнер С. А.* Проблемы теории и практики эмиссионного хозяйства. М., 1924. С. 178.
- 4 Там же. С. 184.
- 5 *Трахтенберг И. А.* Бумажные деньги. Очерк теории денег и денежного обращения. Харьков, 1918. С. 122.
- 6 *Сокольников Г. Я.* Денежная реформа. М., 1925. С. 173–175.
- 7 *Юровский Л.* На путях к денежной реформе. М., 1924.
- 8 *Юровский Л.* Денежная политика советской власти. М., 1928.
- 9 *Небрат В. В.* Обоснование и критика концепции безденежного хозяйства в условиях сворачивания рыночных отношений на Украине (1918–1921 гг.) [на укр. яз.] // Экономика: проблемы теории и практики. Сборник научных трудов. Выпуск 231: В 9 т. / Т. VII. Днепропетровск, 2007. С. 1437–1444.
- 10 *Преображенский Е.* Бумажные деньги в эпоху диктатуры пролетариата. М., 1920.
- 11 *Боголепов М. И.* Бумажные деньги. Пг.; М., 1922. С. 9.
- 12 *Железнов В. Я.* Роль денег в товарообмене // Денежное обращение и кредит. Т. 1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.). Пг., 1922. С. 262.
- 13 *Кузовков Д. В.* Ошибки денежной политики и как устранить их в будущем. М., 1924. С. 3.
- 14 *Туган-Барановский М. И.* Основы политической экономии. СПб., 1909. С. 379.
- 15 *Туган-Барановский М. И.* Бумажные деньги и металл [на укр. яз.]. К., 2004. С. 45.

- 16 Там же. С. 67.
- 17 Там же. С. 75.
- 18 Там же. С. 77.
- 19 Там же. С. 161.
- 20 Там же. С. 173–174.
- 21 *Кузовков Д. В.* Ошибки денежной политики и как устранить их в будущем. М., 1924. С. 9.
- 22 Там же. С. 179.
- 23 *Ленин В. И.* Очередные задачи советской власти // ПСС. Т. 45. С. 283.
- 24 *Кейнс Дж.* Трактат о денежной реформе. М., 1925. С. 4, 33.
- 25 *Власенко В. Е.* Теории денег в России. Конец XIX — дооктябрьский период XX ст. К., 1963. С. 213–214.

Л. И. Вавулинская
Петрозаводск

Советская аграрная политика и реформы управления сельским хозяйством в 1950-е гг. (на материалах Карелии)

Реформирование аграрного сектора экономики России, приведшее в конце 1990-х гг. к глубокому кризису, с особой остротой поставило вопросы обобщения предшествующего исторического опыта аграрной политики и научного обоснования дальнейших преобразований в этой области. При общности процессов рыночных преобразований имеют место значительные региональные различия, обусловленные историческими, природными, экономическими, социальными, географическими, национальными особенностями.

Резкое снижение уровня душевого потребления основных продуктов питания и сокращение их местного производства в Республике Карелия выдвигают на первый план вопрос о продовольственной безопасности республики, ее способности устойчиво обеспечивать население продуктами питания, необходимыми для нормального функционирования региона¹. При неблагоприятных климатических условиях ведения сельского хозяйства и низкой степени сельскохозяйственной освоенности территории края важную роль приобретает рациональная модель сочетания государственного и рыночного регулирования агросферы, использования разнообразных форм хозяйствования на земле.

В связи с этим особую актуальность и практическую значимость имеет обобщение на региональном уровне опыта аграрной политики советского государства в послевоенное пятнадцатилетие, когда благодаря осуществлению системы государственных мер по повышению заинтересованности тружеников сельского хозяйства в результатах труда в основном за счет качественных показателей был достигнут значительный подъем производства в аграрном секторе экономики как страны, так и республики. Этот опыт может быть использован для корректировки реформ и выработки региональной политики.

Проблема реформ в области сельского хозяйства, предпринятых Н. С. Хрущевым во второй половине 1950-х гг., занимает важное место в отечественной и